

—
Завтра канун Нового года, и сегодня в поместье Цзинь раздали премии, а также заранее выдали ежемесячную плату за первый месяц Нового года.

Люй Фэй и другие получили деньги, но выглядели несчастными, даже немного озабоченными.

Фу Мин в маленьком кабинете приводил в порядок записи, сделанные за несколько месяцев. Старая курильница была заменена на большую, в ней лежала глыба льда, и пар стелился, чтобы в комнате не было слишком сухо.

Он смутно слышал, как несколько служанок снаружи что-то бормочут, их голоса были раздражены. Он позвал Люй Фэй и Вань Лань и спросил: «Завтра Новый год, и вы только что получили деньги, почему же все выглядят такими сердитыми, словно готовы взорваться?»

Вань Лань ответила: «Гунцзы, половина утки, которая была уже почти в руках, улетела».

«Что это значит? Денег выдали меньше?»

Люй Фэй ответила: «Мы впервые получаем премии, поэтому точно не знаем, сколько их должно быть, но слышали от других в поместье, что их действительно стало намного меньше. Ежемесячная плата тоже сократилась вдвое».

«Вам объяснили причину?»

Люй Фэй ответила: «Говорят, что в этом году в Таньчжоу ледяное бедствие, и седьмая принцесса устроила в своём дворце мероприятие по любованию сливой на снегу, пригласив множество дам и девиц, чтобы убедить их пожертвовать деньги и вещи. Наша наложница Ван изначально не была приглашена, но госпожа Чжоу всё-таки взяла её с собой. По возвращении госпожа Жэньлань, которая была официально приглашённой хозяйкой, ещё ничего не сказала, а наложница Ван поспешно отправила седьмой принцессе много денег и одежды». В семье Люй Фэй были младший брат и сестра на выданье, она всегда экономила, и теперь, когда столько доходов без всякой причины исчезло, она была расстроена, и говорила более импульсивно, чем обычно.

Вань Лань была ещё более прямолинейна: «Наложница Ван хочет получить лицо перед принцессой, пусть берёт свои личные деньги, кого это волнует. Но она посмела зариться на нас, слуг, отбирая одежду и деньги. В этот Новый год, когда нечего носить и есть, это очень раздражает!»

Фу Мин снова спросил: «Старая госпожа знает об этом?»

Люй Фэй ответила: «Раньше не знаю, знала ли, но полдня прошло, и к этому моменту она наверняка уже знает».

Фу Мин сказал: «Тогда посмотрим, что скажет старая госпожа».

Старая госпожа действительно узнала об этом только ближе к полудню. Она позвала наложницу Ван и недовольным тоном прямо спросила: «Я поручила тебе временно управлять делами дома, а ты, используя деньги поместья, покупаешь себе репутацию и обкрадываешь прислугу. Что скажешь на это?!»

Наложница Ван поспешно опустилась на колени и стала кланяться, признавая свою вину. Только после того, как её лоб покраснел от поклонов, она подняла голову, чтобы оправдаться: «Как я, Нинсюэ, могу обмануть доверие старой госпожи? Но в тот день на банкете принцессы госпожа Чжоу настояла, чтобы я пошла, а вы, старая госпожа, человек понимающий, раз принцесса уже заговорила, как можно было отказаться? Кроме того, седьмая принцесса — самая любимая дочь императора, и если мы сможем заслужить её расположение, это будет полезно для нашего поместья, а не вредно. Наше поместье всегда относилось к слугам с благосклонностью, а не с жестокостью. В прежние времена их кормили и одевали хорошо, хозяев мало, слуг много, работы тоже не так много, ежемесячная плата была очень щедрой, и хозяева время от времени давали деньги и одежду. По сравнению с теми пострадавшими в Таньчжоу, слуги в поместье живут в сто раз лучше. Не знаю, кто из недовольных наговорил старой госпоже за спиной, заставив её заблуждаться и рассердиться».

Цин Фэн, стоявшая рядом со старой госпожой, покраснела от услышанного и не удержалась от вмешательства: «Наложница Ван, вы действительно хорошо умеете ставить личные интересы выше общественных! Выходит, это мы мелочны!»

Наложница Ван лъстиво улыбнулась: «У меня есть ещё несколько новых тёплых курток, которые я не носила. У нас с вами примерно одинаковый размер, я отдам их вам!»

Цин Фэн ещё не успела ответить, как старая госпожа погладила лоб и сказала: «Неважно, с какой целью ты это сделала, ошибка есть ошибка. Добавь недостающие деньги и полагающиеся подарки. Пусть все хорошо отпразднуют Новый год!»

Наложница Ван не получила доброго взгляда, и ей было сказано ещё несколько слов, но в душе она всё равно тайно радовалась. Она изначально собиралась действовать, а потом докладывать, и хотя старая госпожа была сердита, она не сильно затруднила её. Такой результат был для неё весьма благоприятным. Она втайне думала, что женщины в этом особняке не понимают, что происходит снаружи, и не знают, что правильно. У нее будет собственное объяснение, когда вернется ее господин.

В поместье целый день шумели, но к полудню всё постепенно успокоилось. Получившие компенсацию слуги продолжали усердно трудиться, готовя место и предметы, необходимые для новогоднего жертвоприношения, семейного банкета и бдения.

Фу Мин, взяв подарочную коробку, которую помогла приготовить Вань Лань, и половину денег, выданных утром от Люй Фэй, вышел из поместья и направился в Приют для сирот.

«Братец Мин, в этом году ты поздно пришёл!» Сунь Цзанъюн, увидев его, очень обрадовался. Не обращая внимания на разницу в возрасте и положении, он обнял его за плечи и провёл в дом.

Фу Мин объяснил: «Сегодня дома были дела».

«Решились?»

«Да, уже улажено».

Сунь Цзанъюн раздул огонь в печи, налил Фу Мину чашку вина из согретого кувшина и сказал: «В прежние годы, когда ты приходил в этот день, мы с братом Фаном, втроём, пили до отвала. В этом году так не получится».

Фу Мин спросил: «Дядя Фан уехал в Таньчжоу?» Он взял вино, отпил глоток и тут же

изобразил на лице радость.

Сунь Цзанъюн ответил: «Именно так. В Таньчжоу ледяное бедствие, наверняка много больных стариков, слабых, женщин и детей. Брат Фан отправился туда заниматься врачебной практикой!»

Фу Мин сказал: «Дядя Фан — человек с добрым сердцем врача, он помогает миру. Если бы я мог освободиться, я бы обязательно последовал за ним и оказал помощь».

«Ха-ха!» Сунь Цзанъюн громко рассмеялся и добавил: «Брат Фан перед отъездом ещё сказал, что жаль, что ты заперт в поместье герцога, иначе он заставил бы тебя выполнять тяжелую работу!»

Фу Мин вспомнил наставление Цзинь И перед отъездом: «Я действительно не могу уехать. Когда дядя Фан вернётся, мы снова устроим ему торжественную встречу».

Они пили вино и непринуждённо беседовали о текущем положении в приюте для сирот в течение получаса, наслаждаясь теплым ароматом вина. Фу Мин, видя, что уже поздно, попрощался и ушёл.

Едва вернувшись в поместье, Фу Мин обнаружил гостей. Это был Фань Чжи, друг Цзинь И, который сейчас служил в Министерстве финансов. Фу Мин был единственным мужчиной в поместье, который мог принимать внешних гостей, поэтому он принял Фань Чжи в качестве хозяина.

Они обменялись именами и несколькими любезностями, после чего Фу Мин спросил: «Брат Вэньсу, вы пришли в это время, есть ли что-то важное?»

На лице Фань Чжи хотя и было затруднение, но речь его была плавной, а тон ровным: «По правде говоря, я осмелился навестить вас с нескромной просьбой».

Фу Мин слегка улыбнулся: «Брат Вэньсу — близкий друг моего мужа, говорите, не стесняйтесь».

Фань Чжи, услышав это, немного успокоился и откровенно сказал: «Мне было поручено двором заказать партию товаров в Юэчжоу, это государственные подарки, которые должны быть отправлены в Сыся во время праздника Весны. На пути на север, из-за льда в Таньчжоу, повозка случайно перевернулась на горной дороге, и большая часть товаров была потеряна. Ещё есть время, чтобы приобрести их снова».

После этих слов Фу Мин уже всё понял. Приближался Новый год, все государственные учреждения закрывались на каникулы, и если бы это дело шло по обычным каналам, то неизбежно заняло бы время. Фань Чжи, выходец из бедной семьи, был честным и неподкупным чиновником, не имеющим лишних средств, и у него было мало богатых знакомых, поэтому, отчаявшись, он обратился в семью Цзинь.

Таким образом, Фу Мин тоже прямо спросил: «Брат Вэньсу, сколько денег вам нужно срочно?»

Фань Чжи не ожидал, что ему не придётся всё договаривать, в душе он тайно восхищался, и так же прямо ответил: «Тридцать тысяч лян».

Фу Мин кивнул: «Брат Фань Чжи, подождите немного, я сейчас принесу деньги». Учитывая довольно большую сумму, он решил сам пойти к наложнице Ван за деньгами. Поэтому он

приказал слугам хорошо принять Фань Чжи, а сам встал и ненадолго удалился.

Наложница Ван была в кладовой, услышав слова Фу Мина, воскликнула: «Тридцать тысяч лян? Такая огромная сумма, и он просит её займы?»

Фу Мин снова подробно объяснил ситуацию, но наложница Ван холодно усмехнулась: «Гунцзы думает, что у нас дома золотые горы или серебряные? Такая огромная сумма, да ещё в отсутствие господина, просто так давать займы? А если он не вернёт, как потом эта куча людей в поместье будет есть, и как будут поддерживаться отношения?»

Фу Мин сказал: «Брат Вэньсу не из тех, кто берёт и не возвращает».

Наложница Ван сказала: «Этот Фань раньше не так уж и часто общался с нашим господином, даже ни одного зайца не присылал в поместье Цзинь на Новый год, какая уж тут дружба?»

Фу Мин сказал: «Дружба благородных людей заключается в сердце, а не в вещах. Брат Вэньсу честен и неподкупен, он схож по характеру с нашим господином, и они знакомы много лет».

«Как Гунцзы это узнал?»

«Когда-то слышал, как господин упоминал пару слов».

«Может, Гунцзы ошибся? И потом, если он действительно честен и неподкупен, зачем ему столько денег?»

«Ситуацию я тебе уже объяснил. Если у тебя плохая память, я повторю ещё раз».

«Не нужно, но что касается этих денег, я скажу прямо: если бы это было всего триста лян, то я бы отдала их ему в качестве одолжения. Тридцать тысяч лян? Нет».

Фу Мин ещё несколько раз пытался её убедить, но наложница Ван становилась всё более невежливой в своих словах, даже обвиняя Фу Мина в сговоре с посторонними ради выманивания денег. Фу Мин, услышав это, был одновременно зол и взволнован. В отчаянии он махнул рукавом и ушёл. Быстро вернувшись в Фан Мань Тин, он нашёл Люй Фэй, чтобы получить свои приданные деньги.

Люй Фэй, выслушав подробности происшествия от Фу Мина и увидев его выражение лица, стиснула зубы и достала банкноты из шкатулки, почти полностью пересчитав их для него.

Фу Мин, получив деньги, поспешно вернулся в банкетный зал, успокоил своё выражение лица, вошёл в зал и передал банкноты Фань Чжи.

Фань Чжи тут же захотел составить расписку, Фу Мин знал его манеру действовать, поэтому не стал отказываться и с готовностью принял расписку.

Фань Чжи похлопал Фу Мина по плечу: «Брат Цзиню повезло».

Фу Мин с улыбкой сказал: «Брат знает, что у вас много дел, поэтому не стану задерживать вас на обед».

Фань Чжи действительно очень спешил: «Тогда я, ваш скромный брат, прощаюсь. Когда дело решится и деньги будут возвращены, я хорошенько вас поблагодарю».

Фу Мин проводил его до ворот поместья.

Когда Фу Мин вернулся в Фан Мань Тин, Вань Лань, слегка недовольно, сказала: «Гунцзы, скажите, что вы весь год себе выдумываете? Выдумываете людей? Мы всё равно сидим одни в пустом дворе. Выдумываете деньги? Не говоря уже о приходе, шкатулка уже пуста!»

Фу Мин рассмеялся: «Ладно, знаю, что вам неприятно. Как хорошо сказал мудрец, «небо дало мне талант, он обязательно пригодится, тысячи золотых разлетаются, но снова вернуться»».

«А этот мудрец, который так сказал, в конце концов разбогател?» — спросила Люй Фэй.

Фу Мин опешил: «Э... этот мудрец оставил после себя добрую славу на века».

«Кто это? Мы его знаем?»

«Ли по фамилии, Бай по имени, вежливое имя Тайбай».

Вань Лань засмеялась: «Я знаю, это тот великий поэт, который умер в нищете! Какое там «тысячи золотых разлетаются, но снова вернуться», это же явно «тысячи золотых приходят, а потом снова разлетаются!»

Фу Мин серьёзно спросил: «Вы действительно считаете, что я поступил неправильно?»

Люй Фэй и Вань Лань переглянулись, Люй Фэй сказала: «У Гунцзы в сердце своя мера, мы лишь недальновидные женщины, и всё, что решит Гунцзы, мы поддержим. А наши жалобы — это лишь от беспокойства, что Гунцзы пострадает».

Фу Мин снова улыбнулся: «Не волнуйтесь, люди скоро вернуться; а деньги, они тоже вернуться».

—